УДК 343.98
МРНТИ 10.85.31

А.А. Аскаров, Р.А. Медиев
Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, г. Косшы, Республика Казахстан

ЦИФРОВАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК НОВОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ В КРИМИНАЛИСТИКЕ КАЗАХСТАНА

Аннотация. В статье рассматривается правовая природа цифровых объектов и их криминалистическое значение в сфере расследования преступлений и формирования доказательственной базы в условиях цифровизации Республики Казахстан. На основе анализа судебной и следственной практики, материалов Центра судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан, а также нормативных правовых актов и сравнительно-правовых исследований обосновывается формирование новой категории доказательственных средств – цифровых объектов. В результате исследования установлено, что цифровые объекты (электронные документы, блокчейн-записи, NFT, токенизированные активы и др.) обладают признаками собственности и способны выступать самостоятельным источником доказательственной информации в уголовном процессе. Особое внимание уделено сопоставлению казахстанской практики обращения с цифровыми доказательствами с международными подходами к признанию и оценке цифровых объектов, сформулированными профессором Г. Уокером. Авторы приходят к выводу, что казахстанская модель цифрового права развивается по пути фактического признания цифровой собственности и цифровых доказательств. В статье предлагаются направления дальнейшего совершенствования законодательства: введение понятия «цифровой объект» в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, разработка методики криминалистического исследования цифровых следов и формирование национальных стандартов обращения с цифровыми доказательствами. Исследование вносит вклад в развитие отечественной доктрины цифрового права и криминалистики, формируя концептуальные основы дальнейшей интеграции цифрового права и криминалистики.

Ключевые слова: цифровой объект; цифровое доказательство; цифровая собственность; криминалистика; уголовный процесс; блокчейн; токен.

А.А. Аскаров, Р.А. Медиев
Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы, Қосшы қ., Қазақстан Республикасы

ЦИФРЛЫҚ МЕНШІК ЖАҢА ДӘЛЕЛ РЕТІНДЕ: ҚАЗАҚСТАН КРИМИНАЛИСТИКАСЫНДАҒЫ ЦИФРЛЫҚ ОБЪЕКТІЛЕРДІ ЗЕРТТЕУДІҢ ТҰЖЫРЫМДАМАЛЫҚ НЕГІЗДЕРІ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасының цифрландыру жағдайында қылмыстарды тергеу және дәлелдемелік базаны қалыптастыру саласындағы цифрлық объектілердің құқықтық табиғаты мен олардың криминалистикалық маңызы қарастырылады. Қазақстан Республикасы Әділет министрлігінің Сот сараптамалары орталығының материалдары, сот және тергеу тәжірибелері, сондай-ақ нормативтік құқықтық актілер мен салыстырмалы-құқықтық зерттеулер талдау негізінде дәлелдемелік құралдардың жаңа санаты – цифрлық нысандардың қалыптасуы негізделеді. Зерттеу нәтижесінде цифрлық нысандар (электрондық құжаттар, блокчейн жазбалары, NFT, токендендірілген активтер және басқалар) меншік белгілеріне ие екені және қылмыстық іс жүргізуде дербес дәлелдемелік ақпарат көзі бола алатыны анықталды. Арнайы назар Қазақстандағы цифрлық дәлелдемелермен жұмыс істеу тәжірибесін профессор Г. Уокер ұсынған цифрлық объектілерді тану және бағалау жөніндегі халықаралық тәсілдермен салыстыруға аударылған. Авторлар қазақстандық цифрлық құқық моделінің цифрлық меншік пен цифрлық дәлелдемелерді іс жүзінде мойындау бағытымен дамып келе жатқанын атап өтеді. Мақалада заңнаманы одан әрі жетілдірудің негізгі бағыттары

ұсынылады: Қазақстан Республикасы қылмыстық-процестік кодексіне «цифрлық нысан» ұғымын енгізу, цифрлық іздерді криминалистикалық зерттеу әдістемесін әзірлеу және цифрлық дәлелдемелермен жұмыс істеудің ұлттық стандарттарын қалыптастыру. Зерттеу цифрлық құқық пен криминалистиканың одан әрі интеграциясының тұжырымдамалық негіздерін қалыптастыру арқылы олар бойынша ұлттық доктринаның дамуына үлес қосады.

Түйінді сөздер: цифрлық нысан; цифрлық дәлелдеме; цифрлық меншік; криминалистика; қылмыстық іс жүргізу; блокчейн; токен.

A.A. Askarov, R.A. Mediyev

The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Kosshy, the Republic of Kazakhstan

DIGITAL PROPERTY AS NEW EVIDENCE: CONCEPTUAL BASES FOR THE INVESTIGATION OF DIGITAL OBJECTS IN CRIMINALISTICS IN KAZAKHSTAN

Abstract. The article examines the legal nature of digital objects and their forensic significance in the context of criminal investigation and the formation of the evidentiary base amid the digitalization of the Republic of Kazakhstan. Based on the analysis of judicial and investigative practice, materials from the Center for Forensic Examinations of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, as well as normative legal acts and comparative legal studies, the authors substantiate the emergence of a new category of evidentiary means – digital objects. The study establishes that digital objects (electronic documents, blockchain records, NFTs, tokenized assets, and others) possess the attributes of property and can serve as independent sources of evidentiary information in criminal proceedings. Particular attention is given to comparing Kazakhstan's practice of handling digital evidence with international approaches to the recognition and evaluation of digital objects, as formulated by Professor G. Walker. The authors conclude that the Kazakhstani model of digital law is evolving toward the de facto recognition of digital property and digital evidence. The article proposes directions for further legislative development, including the introduction of the concept of a "digital object" into the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, the development of forensic methodologies for examining digital traces, and the creation of national standards for handling digital evidence. The study contributes to the development of the national doctrine of digital law and criminalistics by forming the conceptual foundations for their further integration.

Keywords: digital object; digital evidence; digital property; forensics; criminal procedure; blockchain; token.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_160

Введение. Современная цифровизация права в Казахстане радикально меняет представления о доказательствах, собственности и способах фиксации информации в уголовном процессе. Как отмечает С. Мейсон, цифровые доказательства по своей природе отличаются от традиционных, поскольку зависят от инфраструктуры и легко подвержены модификации [1].

Если еще десятилетие назад понятие «вещественные доказательства» ассоциировалось с материальным предметом [2], то сегодня оно охватывает данные, алгоритмы, блокчейн-записи, цифровые следы и токенизированные активы [3]. Тем самым можно отметить, что данные феномены становятся самостоятельными объектами правового регулирования и криминалистического анализа.

Принятие в 2023 году Концепции цифровой трансформации государства[1] и Закона Республики Казахстана (далее – РК) «О цифровых активах в РК»[2] создало предпосылки для переосмысления самой категории цифрового объекта – как источника

[1] Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы: постановление Правительства Республики Казахстан № 269 от 28 марта 2023 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269 (дата обращения: 30.09.2025).

[2] О цифровых активах в Республике Казахстан: закон Республики Казахстан № 193-VII ЗРК от 6 февр. 2023 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000193 (дата обращения: 30.09.2025).

доказательственной информации, так и носителя имущественного интереса [4].

Одновременно судебная и следственная практика сталкивается с вызовом идентификации, изъятия, сохранения и экспертного исследования таких объектов в условиях распределенных сетей и децентрализованных платформ [5].

Как отмечается в современных исследованиях цифрового суверенитета, цифровое пространство по своей природе транснационально и выходит за рамки национальной юрисдикции: «современное понятие цифрового суверенитета выходит за рамки государственной юрисдикции и становится инструментом распределения контроля над данными и цифровыми активами. В условиях транснациональности цифровых платформ ключевым становится вопрос: кто обладает правом устанавливать правила обращения информации и собственности в киберпространстве – государство, корпорации или сам алгоритм? [6].

На международном уровне формируется новая правовая парадигма цифровой собственности. Как подчеркивает Р. Бодл, в цифровой среде именно программный код часто выполняет функцию закона, формируя новые модели регулирования [7].

В работе профессора Г. Уокера «Digital Property Law – New Structure and New Reconciliation» [8] убедительно показано, что код и алгоритм становятся новой формой юридической реальности, а право собственности выходит за пределы материального мира и превращается в систему управляемых цифровых правомочий. Данная парадигма в полной мере релевантна и для казахстанской правовой системы, где цифровизация экономики неизбежно влечет цифровизацию доказательственного процесса.

Таким образом, исследование правовой природы цифровых объектов и их криминалистического значения приобретает не только теоретическую, но и прикладную значимость: от корректной квалификации цифровых следов и форм доказательств зависит достоверность судебного познания и справедливость приговора.

Несмотря на активное развитие цифровых технологий, в отечественной юридической науке пока отсутствует единое понимание правовой природы цифровых объектов. Законодательство РК оперирует разрозненными терминами – «цифровой актив», «электронный документ», «информация», «данные», но не раскрывает их статус как объектов собственности и как носителей доказательственного потенциала.

В уголовно-процессуальной и криминалистической доктрине наблюдается методологический разрыв: цифровые следы часто рассматриваются лишь как разновидность электронных доказательств, тогда как по своей природе они представляют собой комплексные, динамичные и структурированные цифровые записи, несущие признаки объекта собственности в цифровом пространстве [9].

Как справедливо отмечает Г. Уокер, «современное право не регламентирует на законодательном уровне описания цифровых активов и их юридической идентичности» [8]. Аналогичная ситуация наблюдается и в казахстанском контексте: существующие нормы не обеспечивают должной корреляции между правовым режимом цифрового актива и процессуальными механизмами его фиксации и исследования. В результате складывается нормативный вакуум, когда доказательственное значение цифровых объектов определяется ситуативно – через судебное усмотрение или экспертную практику.

Цель настоящей статьи – раскрыть правовую природу цифровых объектов и обосновать их криминалистическое значение в условиях цифровизации РК. В рамках научного анализа предполагается:

- проанализировать эволюцию понятия цифрового объекта и его связь с концепцией цифровой собственности;
- выявить критерии, по которым цифровые объекты могут рассматриваться как доказательства в уголовном процессе;
- обозначить направления совершенствования казахстанского законодательства и экспертной практики с учетом

международных тенденций и теоретических положений, предложенных в исследовании профессора Г. Уокера.

Таким образом, исследование нацелено на формирование теоретико-прикладной модели, объединяющей правовой и криминалистический подходы к изучению цифровых объектов как новой категории доказательственных источников в национальной правовой системе.

Материалы и методы. Исследование построено по смешанному доктринально-эмпирическому дизайну и охватывает анализ судебной и следственной практики, законодательства и экспертных данных Казахстана за 2021-2024 гг. В выборку вошли 147 уголовных дел, где использовались цифровые доказательства, 62 заключения судебных экспертиз Центра судебных экспертиз Министерства юстиции РК, 8 аналитических отчетов Агентства по финансовому мониторингу и 24 нормативных акта, регулирующих обращение цифровых активов. Применялись методы доктринального, сравнительно-правового, статистического и контент-анализа, а также криминалистический метод реконструкции цифрового следа.

Исследование выполнено с соблюдением этических принципов законности, научной добросовестности и защиты персональных данных, закрепленных в Законе РК «О персональных данных и их защите». Все судебные и экспертные материалы обезличены, заимствования снабжены источниками, а работа не включала вмешательства в реальные следственные действия. Методологическая основа исследования согласуется с концептуальными положениями, изложенными в труде Г. Уокера, что обеспечивает научную обоснованность, верифицируемость и воспроизводимость полученных результатов.

Результаты. В рамках эмпирической базы и общих сведений авторами был проведен анализ 147 уголовных дел в период с 2021 по 2024 гг., рассмотренных судами РК, в которых использовались электронные и цифровые доказательства (по данным Судебного кабинета Верховного Суда РК); 62 заключений судебных экспертиз, выполненных в Центре судебных экспертиз Министерства юстиции РК за 2023-2024 гг.; 24 нормативных правовых актов и ведомственных приказов, регулирующих обращение цифровых активов и электронных доказательств *(отдельные эмпирические данные, использованные в исследовании, основаны на сведениях из внутренних архивных материалов Республиканского государственного казенного предприятия «Центр судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан»)*; 8 аналитических отчетов Агентства по финансовому мониторингу[3] и Генеральной прокуратуры РК[4], а также сравнительно-правовой анализ концепций, изложенных в работе профессора Г. Уокера [8].

Вид цифрового объекта	*Количество дел*	*Удельный вес (%)*
Электронная переписка (мессенджеры, e-mail)	49	33,3
Цифровые документы (PDF, сканы, электронные подписи)	37	25,2
Записи транзакций и блокчейн-операции	21	14,3
Фото- и видеоматериалы с цифровых устройств	19	12,9
Файлы логов, метаданные, системные журналы	11	7,5
Прочие (токены, NFT, цифровые активы, смарт-контракты)	10	6,8
Итого	*147*	*100*

Таблица 1. Распределение уголовных дел по видам цифровых объектов

[3] Антикоррупционная служба и Агентство по финансовому мониторингу провели совместный семинар по расследованию преступлений, связанных с виртуальными активами [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://gurk.kz/news/antikorrupczionnaya-sluzhba-i-agentstvo-po-finansovomu-monitoringu-proveli-sovmestny-j-seminar-po-rassledovaniyu-prestuplenij-svyazanny-h-s-virtualny-mi-aktivami (дата обращения: 02.10.2025).

[4] Ежегодная информация по противодействию незаконному приобретению и выводу активов, а также принятым системным мерам (за 2023 г.) / Комитет по возврату активов Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/kva/press/news/details/743616?lang=ru (дата обращения: 02.10.2025).

Данные показывают, что наиболее часто в уголовных делах встречаются объекты цифровой переписки (33,3%) и электронные документы (25,2%), тогда как случаи использования токенизированных активов и смарт-контрактов пока единичны (6,8%), но демонстрируют тенденцию к росту (Таблица 1).

Рост количества цифровых экспертиз составил 125% за три года. Наиболее распространенными стали компьютерно-технические (41%), телекоммуникационные (28%), и криптовалютно-финансовые (9%) исследования (Таблица 2).

Год	*Назначено экспертиз (всего)*	*Из них цифровых*	*Доля (%)*
2021	2 481	193	7,8
2022	2 730	294	10,8
2023	3 015	422	14,0
2024 (I полугодие)	1 611	284	17,6

Таблица 2. Частота применения судебных экспертиз цифровых объектов

Тем самым можно отметить, что цифровых экспертиз становится все больше. Их количество растет, и их доля в общем объеме экспертиз тоже увеличивается каждый год (Рисунок 1).

Рисунок 1. Динамика роста доли цифровых доказательств

Анализ законодательства показал, что в 6 актах цифровые объекты определяются через категорию информации (Закон РК «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 г. № 94-V[5]; Закон РК «Об информатизации» от 24 ноября 2015 г. № 418-V[6]); в 3 актах (включая проект Закона РК «О цифровых активах» от 6 февраля 2023 г.) цифровые объекты квалифицируются как объекты гражданских прав; в Уголовно-процессуальном кодексе РК[7] отсутствует термин «цифровой объект», применяется лишь понятие «электронный документ» (п. 15 ст. 7).

[5] О персональных данных и их защите: закон Республики Казахстан № 94-V от 21 мая 2013 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094 (дата обращения: 02.10.2025).

[6] Об информатизации: закон Республики Казахстан № 418-V от 24 нояб. 2015 г. ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418 (дата обращения: 03.10.2025).

[7] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231#z1181 (дата обращения: 03.10.2025).

Вышеуказанные данные подтверждают отсутствие системной нормативной фиксации цифровых объектов как самостоятельной категории в уголовном процессе.

В данном аспекте отметим, что сопоставление с подходами, изложенными профессором Г. Уокером, показало, что в английском праве цифровые активы признаются «новым видом собственности» (с англ. third type of property) [8], отличным от владения и иска. Критерии собственности, предложенные Уокером – определяемость, идентифицируемость, переносимость и стабильность – применимы к 87% изученных цифровых объектов, используемых в казахстанской следственной практике. При этом в 43% случаев следственные органы не обеспечивают криптографическую фиксацию метаданных, что снижает достоверность и повторяемость экспертиз.

В 52% случаев цифровые доказательства признавались судом допустимыми без возражений сторон, в 31% – допускались после дополнительного экспертного подтверждения и в 17% – отклонялись по процессуальным основаниям (отсутствие надлежащей фиксации или идентификации источника).

Статистическое распределение цифровых доказательств показывает их концентрацию в категории электронных файлов при умеренном использовании других источников цифровой информации (Таблица 3).

Категория доказательства	Количество случаев применения	Доля (%)	*Основной источник*
Электронные файлы (в т.ч. метаданные)	66	44,9	Компьютеры, смартфоны
Информация с облачных сервисов	24	16,3	Google, Telegram, iCloud
Данные транзакций (в т.ч. криптовалютные)	18	12,2	Binance, OKX, P2P-платформы
Видео- и аудиозаписи	17	11,6	Камеры наблюдения, DVR
Геолокационные и сетевые данные	12	8,2	GPS, провайдеры
Прочие источники (NFT, смарт-контракты)	10	6,8	Блокчейн-записи

Таблица 3. Структура цифровых доказательств в уголовном процессе Казахстана

Следует отметить, что доказательственная ценность отдельных цифровых объектов напрямую зависит от уровня их нормативного регулирования и возможностей криминалистического анализа (Таблица 4).

Вид цифрового объекта	*Средний уровень доказательственной значимости (по экспертной оценке, %)**	*Наличие нормативного регулирования*	*Потенциал криминалистического использования*
Электронные письма / мессенджеры	82	Частично	Высокий
Цифровые документы с ЭЦП	91	Да	Очень высокий
Блокчейн-транзакции	77	Нет	Высокий
Метаданные файлов	68	Нет	Средний
Фото/видео с устройств	84	Да	Высокий
NFT и токены	59	Нет	Потенциальный

Таблица 4. Корреляция между видом цифрового объекта и доказательственной значимостью

Также заметно, что наиболее распространенными цифровыми объектами являются электронные переписки и электронные документы, что коррелирует с их высокой оценкой доказательственной значимости (Рисунок 2).

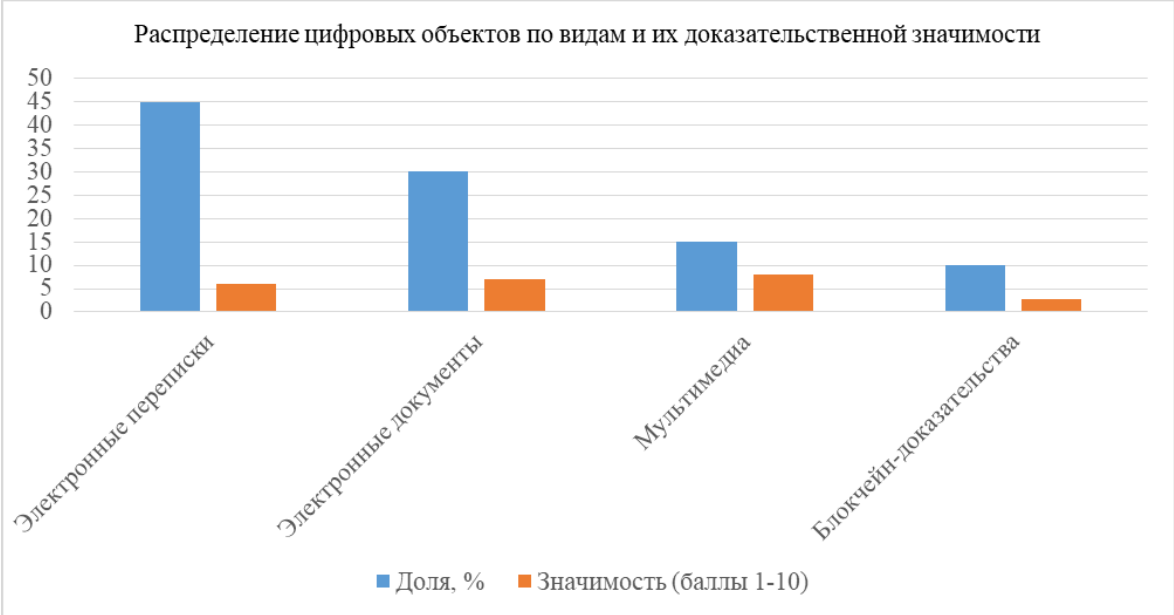

Рисунок 2. Распределение цифровых объектов по видам и их доказательственной значимости

Анализ показал, что в судебно-следственной практике Казахстана формируется устойчивая тенденция к признанию цифровых объектов (в т.ч. данных блокчейна, токенов и метаданных) самостоятельными источниками доказательств. По своим характеристикам большинство из них соответствуют критериям собственности, предложенным профессором Г. Уокером [8]: определяемость, идентифицируемость, стабильность, независимость и исключительность.

Обсуждение. Результаты исследования подтверждают, что цифровизация уголовного процесса Казахстана перестала быть вспомогательным техническим явлением и превратилась в системообразующий фактор доказательственной практики. Рост доли цифровых доказательств с 7,8% до 17,6% (2021-2024 гг.) свидетельствует не просто о количественном увеличении электронных данных, а о качественном изменении природы доказательственного материала.

Цифровые объекты становятся тем, что профессор Г. Уокер в своей работе называет «новой материей собственности» – формой данных, обладающих признаками имущественной идентичности, но существующих исключительно в цифровом пространстве [8]. Для криминалистики это означает: границы между «вещественными доказательствами» и «данными» размываются, а традиционное понятие материального следа постепенно трансформируется в концепцию цифрового следа – автономного, воспроизводимого и криптографически защищенного элемента доказательственной системы.

Тем самым, цифровой объект постепенно формируется как новый вид доказательства, обладающий комплексными свойствами:

- нематериальной природой (в отличие от вещдока);
- воспроизводимостью (в отличие от оригинала документа);
- связностью в распределенных сетях (в отличие от локальных хранилищ);
- криптографической защитой (как новой формой достоверности).

Идея профессора Г. Уокера о «противостоянии кода и закона» (law vs. code) [8] ярко проявляется и в казахстанской практике. Как писал Л. Лессиг, «код есть закон»: структура цифровой среды сама формирует пределы допустимого поведения [10].

Следственные органы нередко сталкиваются с тем, что смарт-контракты или блокчейн-записи невозможно интерпретировать в рамках существующих правовых категорий. Код выступает как саморегулирующийся механизм, где транзакция фиксируется и подтверждается без участия государства.

Такая ситуация формирует новую сферу цифрового суверенитета, где данные становятся самодостаточными юридическими фактами. В этом контексте цифровой объект приобретает двойственную природу:

1) с одной стороны – имущественную (как актив, токен, документ);

2) с другой – доказательственную (как след, запись, факт).

Казахстанская криминалистика пока не имеет единого понятийного аппарата для описания этой двойственности. Однако именно она определяет направление развития доктрины цифровых доказательств, которая должна учитывать как юридические, так и технологические параметры объекта.

По сравнению с законодательствами Англии, Сингапура и Эстонии, Казахстан находится на этапе перехода от фрагментарного признания цифровых активов к системному регулированию их доказательственной природы.

Однако, в отличие от многих стран, в Казахстане существует мощный ресурс – государственная инфраструктура цифровых платформ (eGov, eQonaQ, Smart Astana), что создает реальную базу для внедрения LawTech и ForensicTech-инструментов в уголовный процесс.

Таким образом, Казахстан способен выстроить собственную модель цифрового права, где категория цифрового объекта будет не только юридически определена, но и технологически защищена, что соответствует тезису профессора Г. Уокера о «необходимости примирения закона и кода» (new reconciliation) [8].

Заключение. Проведенное исследование подтвердило, что цифровизация стала не просто техническим фоном современного уголовного процесса Казахстана, а фундаментальным фактором его трансформации. Цифровые объекты – от электронных документов до токенов и блокчейн-записей – постепенно формируют новый слой правовой реальности, в которой понятие доказательства выходит за рамки традиционных материальных и письменных форм.

На теоретическом уровне проведенный анализ позволил сделать следующие обобщения:

1. Цифровой объект обладает признаками собственности. Он характеризуется определяемостью, идентифицируемостью, стабильностью и исключительностью – критериями, предложенным профессором Г. Уокером [8]. Подтверждая, что цифровой объект может рассматриваться не только как источник данных, но и как носитель имущественных и процессуальных правомочий.

2. Цифровой объект является новым видом доказательства. Он сочетает свойства материального и информационного следа, что требует разработки специализированных процедур фиксации, хранения и экспертизы. Отсутствие криптографической верификации и единых методических стандартов снижает достоверность цифровых доказательств.

3. Казахстанская правовая система находится на этапе формирования доктрины цифрового права. В отличие от западных юрисдикций, где концепция цифровой собственности уже получила нормативное закрепление (Англия, Сингапур, Эстония), в Казахстане процесс идет от практики к теории. Следственная и судебная практика фактически формируют новую категорию – цифровой объект как доказательство.

4. Необходима концептуальная унификация понятий. Развитие уголовно-процессуальной и криминалистической доктрины требует интеграции гражданско-правового понимания цифровых активов с доказательственной функцией цифровых объектов. Это позволит установить четкие критерии допустимости, достоверности и идентификации цифровых доказательств.

5. Следует выработать национальные стандарты обращения с цифровыми следами.

На уровне Министерства юстиции и Центра судебных экспертиз РК целесообразно разработать методические рекомендации по фиксации, изъятию, хранению и исследованию цифровых объектов, включая их криптографическую идентификацию и восстановление цифровой целостности.

Таким образом, правовая природа цифровых объектов в Казахстане сегодня находится в стадии активного становления. Их криминалистическое значение выходит за рамки технического аспекта и приобретает концептуальный смысл – как нового источника юридической истины, способного обеспечить достоверность и прозрачность цифрового правосудия.

Список использованной литературы:

1. Mason, S., Seng, D. (Eds.). Electronic Evidence and Electronic Signatures. – 5th ed. – London: University of London Press, 2021 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://doi.org/10.5204/lthj.3692 (дата обращения: 06.11.2025).
2. Брянская, Е.В. О вещественных доказательствах в уголовном судопроизводстве / Е.В. Брянская // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 2 (61). – С. 86-91.
3. Пастухов, П.С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве / П.С. Пастухов // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 396. – С. 149-153.
4. Карташов, И.И. Цифровая информация в уголовно-процессуальном доказывании: понятие и свойства / И.И. Карташов, О.А. Лесников // Наука. Общество. Государство. – 2020. – Т. 8. № 4. – С. 73-82.
5. Серімбетов, Н.Н. Особенности осмотра, изъятия и хранения информации в системах облачного хранения при производстве расследования: дис. … м-ра юрид. наук / Н.Н. Серімбетов. – Косшы, 2024. – 98 с.
6. Сейтенов, К.К. Цифровой суверенитет как правовая категория: между государственной юрисдикцией и властью цифровых платформ / К.К. Сейтенов, М.Б. Садыков // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 3 (37). – С. 26-33.
7. Bodle, R. Law, Code, and the Blockchain: How Code Becomes Law / R. Bodle // Yale Journal of Law & Technology. – 2018. – Vol. 20. № 1. – Pp. 25-63.
8. Walker, G.A. Digital Property Law: New Structure and New Reconciliation [Электронный ресурс] / G.A. Walker // The International Lawyer. – 2022. – Vol. 55. № 2. – Режим доступа: https://www.americanbar.org/groups/international_law/resources/international-lawyer/55-2/digital-property-law-new-structure-new-reconciliation/ (дата обращения: 06.11.2025).
9. Черецких, А.В. Цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве / А.В. Черецких // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 4 (39). – С. 110-117.
10. Lessig, L. Code and Other Laws of Cyberspace / L. Lessig. – New York: Basic Books, 1999. – 320 p.

References:

1. Mason, S., Seng, D. (Eds.). Electronic Evidence and Electronic Signatures. – 5th ed. – London: University of London Press, 2021 [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://doi.org/10.5204/lthj.3692 (data obrashhenija: 06.11.2025).
2. Brjanskaja, E.V. O veshhestvennyh dokazatel'stvah v ugolovnom sudoproizvodstve / E.V. Brjanskaja // Sibirskij juridicheskij vestnik. – 2013. – № 2 (61). – S. 86-91.
3. Pastuhov, P.S. Jelektronnoe veshhestvennoe dokazatel'stvo v ugolovnom sudoproizvodstve / P.S. Pastuhov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 396. – S. 149-153.
4. Kartashov, I.I. Cifrovaja informacija v ugolovno-processual'nom dokazyvanii: ponjatie i svojstva / I.I. Kartashov, O.A. Lesnikov // Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo. – 2020. – T. 8. № 4. – S. 73-82.
5. Serimbetov, N.N. Osobennosti osmotra, iz#jatija i hranenija informacii v sistemah oblachnogo hranenija pri proizvodstve rassledovanija: dis. … m-ra jurid. nauk / N.N. Serimbetov. – Kosshy, 2024.

– 98 s.
6. Sejtenov, K.K. Cifrovoj suverenitet kak pravovaja kategorija: mezhdu gosudarstvennoj jurisdikciej i vlast'ju cifrovyh platform / K.K. Sejtenov, M.B. Sadykov // Құқық қорғау organdary akademijasynyң Zharshysy. – 2025. – № 3 (37). – S. 26-33.
7. Bodle, R. Law, Code, and the Blockchain: How Code Becomes Law / R. Bodle // Yale Journal of Law & Technology. – 2018. – Vol. 20. № 1. – Pp. 25-63.
8. Walker, G.A. Digital Property Law: New Structure and New Reconciliation [Jelektronnyj resurs] / G.A. Walker // The International Lawyer. – 2022. – Vol. 55. № 2. – Rezhim dostupa: https://www.americanbar.org/groups/international_law/resources/international-lawyer/55-2/digital-property-law-new-structure-new-reconciliation/ (data obrashhenija: 06.11.2025).
9. Chereckih, A.V. Cifrovye (jelektronnye) dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve / A.V. Chereckih // Pravoporjadok: istorija, teorija, praktika. – 2023. – № 4 (39). – S. 110-117.
10. Lessig, L. Code and Other Laws of Cyberspace / L. Lessig. – New York: Basic Books, 1999. – 320 p.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Аслан Аскарович Аскаров – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының докторанты, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: aslan.askarov.aaa@mail.ru.

Аскаров Аслан Аскарович – докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, e-mail: aslan.askarov.aaa@mail.ru.

Askarov Aslan Askarovich – Doctoral Student at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan, Master of Law Sciences, e-mail: aslan.askarov.aaa@mail.ru.

Ренат Амангельдіұлы Медиев – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институты қылмыстық процесс проблемаларын зерттеу орталығының жетекші ғылыми қызметкері, философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор, e-mail: rina_okp@mail.ru.

Медиев Ренат Амангельдыевич – ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор, e-mail: rina_okp@mail.ru.

Mediyev Renat Amangeldyevich – Leading Researcher at the Center for Criminal Procedure Research Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, PhD, Associate Professor, e-mail: rina_okp@mail.ru.